

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Вальянов Н. А. Творчество О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии : обзор исследований / Н. А. Вальянов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 213—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-213-236.

Valyanov, N. A. (2025). Works of Oleg Pavlov in Context of Literary Reflection: A Review of Research. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 213-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-213-236. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Творчество О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии: обзор исследований

Вальянов Никита Александрович^{1,2}

orcid.org/0000-0002-0005-1372

кандидат филологических наук,
кафедра мировой литературы
и методики ее преподавания
nick.valyanov@yandex.ru

¹ Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет гранта Российского
научного фонда № 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Works of Oleg Pavlov in Context of Literary Reflection: A Review of Research

Nikita A. Valyanov^{1,2}

orcid.org/0000-0002-0005-1372

PhD in Philology, Department of World
Literature and Teaching Methodology
nick.valyanov@yandex.ru

¹ Krasnoyarsk State
Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

² Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>;
(Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме литературоведческой рефлексии художественного наследия современного русского писателя Олега Павлова. Материалом исследования послужили критические и публицистические статьи, литературоведческие работы о творчестве писателя, его избранные художественные произведения. Представлен опыт системного описания, обобщения и анализа поэтики Олега Павлова. В статье впервые предлагается периодизация творчества писателя. Автор выявляет и интерпретирует классические этапы творческой биографии — ранний («биографический»), зрелый («критико-публицистический») и поздний («рефлексивный»). Установлено, что литературная критика неоднозначно оценила художественное мастерство современника, выдвигая противоречивые суждения — от снисходительных и толерантных до резких и обвинительных. С одной стороны, его проза соотносилась с классической литературной традицией, а с другой — появилось клише «мрачного» писателя. Отмечается устойчивый интерес к творчеству О. Павлова в научном литературоведении. Обозначены мифопоэтическое, философское, историко-культурное и лингвистическое направления исследований. Автор приходит к выводу о том, что в актуальной филологической рефлексии открывается исследовательская перспектива в области изучения поэтики О. Павлова как представителя «нового реализма» в современной русской литературе.

Ключевые слова:

новый реализм; Олег Павлов; традиционная проза; литературная критика; литературоведческая рефлексия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of literary reflection on the artistic legacy of contemporary Russian writer Oleg Pavlov. The study is based on critical and journalistic articles, literary analyses of the author's works, and selected literary pieces. It presents an attempt at a systematic description, generalization, and analysis of Oleg Pavlov's poetics. For the first time, the article proposes a periodization of the writer's oeuvre. The author identifies and interprets the classical stages of Pavlov's creative biography — early ("biographical"), mature ("critical-journalistic"), and late ("reflective"). It is established that literary criticism has offered a mixed assessment of the writer's artistic mastery, presenting contradictory judgments ranging from condescending and tolerant to sharp and accusatory. On one hand, his prose is associated with the classical literary tradition; on the other hand, a cliché of the "gloomy" writer has emerged. The article highlights a sustained interest in Oleg Pavlov's works within academic literary studies, identifying mythopoetic, philosophical, historical-cultural, and linguistic research directions. The author concludes that current philological reflection opens up research perspectives in the study of Pavlov's poetics as a representative of "new realism" in contemporary Russian literature.

Key words:

new realism; Oleg Pavlov; traditional prose; literary criticism; literary reflection.

Творчество О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии: обзор исследований

© Вальянов Н. А., 2025

1. Введение = Introduction

Настоящее исследование посвящено проблеме литературоведческой рецепции художественного наследия Олега Павлова — русского писателя, чье имя с определенной долей условности связывают с поэтикой «нового реализма». В современном литературоведении творческой биографии автора уделяется незначительное внимание, что может быть обусловлено рядом причин: личными перипетиями в судьбе художника, его общественно-политическими взглядами, профессиональным отношением к актуальной словесности и, наконец, достаточно неоднозначной оценкой критики поэтических изысканий мастера.

Отсутствие системного представления о художественной картине мира писателя оборачивается ущербностью анализа его идейных, художественно-эстетических взглядов, противоречиями в соотношении авторского метода и традиции, разрозненностью в оценке творческой индивидуальности, что в целом свидетельствует о фрагментарности изучения поэтики О. Павлова. Анализ творческого метода писателя обусловлен и возрастающим интересом к изучению течения «нового реализма».

Олег Олегович Павлов (1970—2018) — современный русский писатель, критик и публицист, чье имя в актуальной русской словесности связывают с явлением «нового реализма» — литературного направления, отмечающего кризис пародийного отношения к действительности и сочетающего маркировки различных эстетических течений постмодернизма, реализма и романтизма¹. Для прозы О. Павлова характерны мотивы отчужденности, внутренних исканий, экзистенциальный тупик, неудов-

1 Термин и его определение считаются устойчивыми и общепринятыми в современном литературоведении и в критике. Этому посвящены работы Н. В. Ковтун — «Актуальная литература в зеркале манифестов (“Мой манифест” В. Распутина, “Учение ЁПС” В. Ерофеева) и “Отрицание траура” С. Шаргунова)» [Ковтун, 2016] и «Малая проза М. Тарковского в контексте “нового реализма”» [Ковтун, 2019].

летворенность и трагический жест [Ковтун, 2017]. Художественной картине мира писателя свойственно сопряжение общего и частного планов повествования. Отражение откровенно-лирического, интимного начала в сочетании с натуралистическим пафосом изображения социальной действительности выстраивают драматическое противостояние личности и истории, что, по мнению современников, свидетельствует об отношении павловского текста и к «исповедальной прозе». Присущий авторскому методу экспрессионизм, порождаемый гиперболизацией, использованием неклассических техник, гипертрофированностью изображаемой действительности, зачастую выступает аргументом в пользу гиперреализма [Ремизова, 2007].

Критики и литературоведы неоднозначно оценивают художественный талант писателя, его своеобразную — «тяжеловесную», или мучительную — манеру письма [Ремизова, 2007, с. 189—190]. При этом чтением ранних текстов автора в 1990-е годы увлекается европейская общественность [Орехова, 2020]. В начале нулевых его произведения переводились на европейские и восточные языки. В современном литературоведении существуют отдельные исследования, посвященные западным рецензиям на переводы художественных текстов мастера. Противоречивость оценок и суждений заметна в постсоветской критике и обусловлена прежде всего появлением его дебютных произведений, которые посвящены армейской тематике, описывают тяжелые будни солдат, охраняющих «зоны» и «лагеря», — повестей «Казенная сказка» (1994), «Дело Матюшина» (1997) и «Карагандинские девятины» (2001), составляющих русскую трилогию «Повести последних дней» (2001).

В актуальной критике и литературоведении прозу О. Павлова связывают с творчеством А. Платонова, Г. Владимова, А. Солженицына. Об истоках собственного художественного дарования О. Павлов размышляет в автобиографических заметках: «Духовно повлиял Андрей Платонов. Повлияло то, что, читая “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, который открыт был тогда для прочтения “Новым миром”, наткнулся на описание Карабаса, того лагеря, где я, собственно, и служил...» [Павлов, 1998а, с. 5].

За свой творческий путь О. Павлов был неоднократно лауреатом литературных премий — журналов «Новый мир» (1994), «Октябрь» (1997, 2001, 2007), «Знамя» (2009). В 2012 году писателю присуждена Литературная премия А. Солженицына «за исповедальную прозу, проникнутую поэтической силой и состраданием; за художественные и философские поиски смысла существования человека в пограничных обстоятельствах». В 2017 году за актуальность и злободневность поднимаемых тем автора наградили престижной мировой литературной премией «Angelus».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — обзор и выработка системного представления о художественном творчестве О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии.

Предмет исследования — особенности литературоведческой рецепции поэтики писателя.

Методология исследования подразумевает использование биографического и структурно-описательного методов.

Степень изученности проблемы литературоведческой рефлексии творчества Олега Павлова маркирована разноаспектными исследованиями отечественных и зарубежных славистов. Художественное наследие писателя фрагментарно изучено в литературоведческом, лингвистическом и философском направлениях. Анализ прозы писателя посвящены работы А. К. Котлова [Котлов, 2012; Котлов, 2013; Котлов, 2016], С. В. Крыловой [Крылова, 2011; Крылова, 2014], Н. В. Ковтун [Ковтун, 2016], Е. Е. Ореховой [Орехова, 2003], Т. О. Личмановой [Личманова, 2011], Ли Синьмэй [Ли Синьмэй, 2020] и др.

Результаты настоящего исследования представляют собой опыт системного описания, обобщения и анализа творческой биографии современного реалиста, намечающие перспективу определения роли и места О. Павлова в современном литературном процессе.

В исследовании в историко-литературном контексте выявлены основные периоды творчества О. Павлова, определена их характеристика.

Ранний этап непосредственно сопряжён с биографическими событиями писателя и отражает главным образом военно-армейскую тематику, которая маркирована в его дебютном цикле лирических рассказов «Караульные элегии» (1990). Зрелый этап жизни и творчества — критико-публицистический — ознаменован выходом литературных заметок, остросоциальных очерков, мемуаристики, а также критических рецензий и отзывов, связанных с вопросами развития современной отечественной литературы («Русский человек в XX веке», «Метафизика русской прозы», «Антикритика»). Поздний период творчества писателя отмечен публикацией последнего художественного произведения — «Асистолия» (2010), ставшего настоящим литературным событием. В романе, по сути финализирующем художественно-эстетические взгляды писателя, разворачивается экзистенциальная и онтологическая проблематика, повествуется о трагической сути человеческой жизни, одиночестве «маленького человека», потерянного в жестоком и несправедливом мире, концептуализируются «бытийные» темы — жизни и смерти.

В статье проанализированы критические оценки литературного опыта О. Павлова — от снисходительных и толерантных суждений до резких вы-

сказываний и обвинения в пасквильстве; представлены основные направления научного исследования художественного мира писателя в контексте актуальной филологической рефлексии.

Материалом исследования послужили критические и публицистические статьи, литературоведческие работы, посвященные поэтике О. Павлова, избранные художественные произведения автора.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные периоды творчества

Выделяя ключевые этапы творчества Олега Павлова, следует разделить его поэтику на три классических периода — *ранний, зрелый и поздний*.

Ранний этап творчества (1990-е годы) ознаменован литературными произведениями армейской, или военно-лагерной, тематики, апеллирующей к биографии писателя. Служба в армии, а затем и опыт работы охранником карагандинских лагерей (в конвойных войсках Туркестанского военного округа) определит «большую» тему в творчестве начинающего художника, сформирует его мироощущение: «Жизнь человека изначально трагична перед образами смерти и в окружении непроницаемой космической черноты... Душа и сознание принуждают нас искать гармонии, мы ищем способы как бы запахнуть мир и осмыслить его, чтобы превратить его пустоту в дом» [Николаев, 1999]. Моральные издевательства над личностью, унижения человеческого достоинства, жестокие избиения в лагерях, свидетелем которых становится сам автор, наиболее полно и реалистично отразят идейно-тематическое и сюжетно-образное своеобразие ранней павловской прозы.

В постсоветскую литературу О. Павлов входит с циклом лирических рассказов «Караульные элегии» (1990). Под впечатлением от прочитанного в то время художественно-исторического исследования А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», опубликованного в «Новом мире», О. Павлов приступает к рассказам о современном Карабасе — том самом лагере, где он проходил службу. Продолжают избранную тематику этого периода рассказы из цикла «Записки из-под сапога» и сборник повествований «Правда Карагандинского полка», ставшие впоследствии частями «Степной книги» (1998), где писатель освещает конвойную тематику, выражая ее в лирических, эпических и драматических формах. Апеллируя к художественному опыту А. Платонова и А. Солженицына, автор в экзистенциальном ключе раскрывает тему трагизма человеческой судьбы, передает ощущение страха как перед смертью, так и перед самой жизнью. Показательна история ефрейтора Стрешнева, который чувствует «границу смерти», наблюдая за мучениями умирающего зэка (рассказ «Лепота»), или случай, произо-

шедший в семье прапорщика Глотова, пережившего трагическую смерть душевнобольного сына, которого он стыдился «показать миру» (рассказ «Задумчивая песня»). Причиной рокового исхода становится подаренная отцом гармошка, символизирующая отеческую любовь лишь условно: в контексте истории она маркируется как знак самообмана.

Герои Павлова в платоновском стиле признают бессилие человеческого сознания перед лицом смерти, ощущают обреченность бытия; они утрачивают собственную идентичность, становятся внутренне надломленными, убогими, превращаясь в *ничто*. Симптоматично, что в заглавие книги вынесен архетипический образ степи / пустыни, соотносимый с платоновскими представлениями о жизни как «иллюзорной», «небылой», пустой, эфемерной, бесплодной, выходящей в смерть [Котлов, 2012, с. 120]. *Память о смерти* воспринимается как философская категория павловской прозы, в которой нивелирована архетипическая антиномия (жизнь / смерть, светлое / темное, праведное / грешное). Писатель нарочито избегает традиционного противостояния, чтобы продемонстрировать естественную природу смерти, следовательно, — выразить изначальный трагизм человеческого существования. Показательно это в рассказе «Конец века» (1996), где описана история рождественской ночи в приемном отделении «захудалой» московской больницы.

Повествование, с одной стороны, пронизано темой милосердия, а с другой — отсылает к известным в современной традиционалистской прозе апокалиптическим сюжетам (В. Астафьев, В. Распутин, М. Тарковский, Р. Сенчин), когда равнодушные сотрудники стационара становятся «мерилом истины» по отношению к судьбе умирающего бездомного. После исхода он уже не испытывает ни физической боли, ни душевных страданий, но при этом словно взывает к медсестре увидеть в его судьбе доподлинно человеческое. «Степная книга» явилась трудом, предваряющим философские и эстетические искания молодого автора на раннем этапе творчества.

В 1994 году в журнале «Новый мир» писатель опубликовал свой первый роман «Казенная сказка». Талант автора отметили В. Астафьев и Г. Владимов. Роман принес автору известность, выдержав несколько изданий и попав в список Букеровской премии, что стало причиной разгоревшейся вокруг произведения острой литературной полемики — от признания до жесточайшего неприятия текста, в частности, либеральной критикой, обвинившей писателя во вторичности, пошлости и неоригинальности. В романе разворачивается традиционная для отечественной литературы (анти-)бюрократическая тема, отсылающая к сатирической традиции Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова, М. Булгакова, М. Зощенко). Представленный в романе образ государства как «казенной машины», безжалостно обнажающей тру-

женика («маленького человека»), маркирует конфликт, отчасти приемлемый для ранней советской литературы (М. Булгаков, А. Платонов). Покорность и безволие капитана Ивана Хабарова контрастируют с «канцелярской важностью» и равнодушием Скрипицына — «человека с портфелем», «винтика в системе», олицетворяющего государство. Сопряжение с классической традицией в прозе О. Павлова очевидно как на идейно-тематическом (тема маленького человека, идея противостояния человека и власти), так и на сюжетно-образном уровнях художественного повествования (образы казенного дома, шинели, переписчика, «человека в футляре»).

В 1997 году в журнале «Октябрь» был опубликован роман писателя — «Дело Матюшина» — как авторское размышление о «казарменном» человеке, судьба которого изначально predeterminedена его «дремотным сознанием», «жизнью взаперти». О. Павлов изображает героя, осознанно отделяющего свою судьбу как от истории собственной семьи (отца, матери, брата), так и от истории своего народа, заслоняя её казарменными стенами / границей. Матюшин — пограничный персонаж, совершающий «преступление без идеи», «идущий мимо истории», «убывающий в чувстве собственной жизни», отстаивая личные пределы [Кокшенева 2000]. Критика неоднозначно оценила роман: одни отсылали к яркой, живой, плодотворной реалистической традиции, открывая в произведении народнические тенденции прозы Г. Успенского и художественную преемственность с А. Платоновым и А. Солженицыным [Борисова, 1998]; другие и вовсе считали роман воплощением «мертвой» художественной эстетики, где органико-народнический пафос словно «бухает в пустоту» [Елисеев, 1999, с. 191].

Финализирует ранний этап творчества итоговая повесть «“русской” трилогии» «Карагандинские девятины» (2001), после издания которой писатель был удостоен Букеровской премии, чуть позже — подвергнут резкой критике Н. Переясллова, заявившего: «...более точного определения, чем “пасквили” для того, что делает в своей “армейской прозе” этот писатель, трудно и придумать» [Переяслов, 2002, с. 171].

Переходом от раннего этапа творчества к зрелому послужил выход павловской статьи «Тотальная критика», в которой автор резко осуждает бездарных, непрофессиональных критиков — тех, «у кого не хватило таланта, ума, совести, чтобы быть художниками, но кто без права на то судит художников» [Павлов, 19986]. В литературной критике происходит основательная переоценка его творчества. Переходный период творчества представлен небольшими рассказами и повестями автобиографического характера («Сны о себе», «Яблочки от Толстого», «Школьники», «В безбожных переулках»).

Зрелый этап творчества (2002—2009 годы) ознаменован произведениями мемуарного, критического и публицистического характера. Ведущим трудом писателя в этот период становится цикл полемических материалов «Антикритика» (2005), собранный по большей части из авторских (газетных и журнальных) публикаций периода 1990-х. Обращение к критике как роду литературной деятельности в этот период обусловлено стремлением О. Павлова переосмыслить в ретроспективе ее пограничное состояние (переход от советской к постсоветской критике), обозначить *переживание кризиса*, определить её погрешности и тем самым продемонстрировать ее нежизнеспособность как социального института. Так, например, О. Павлов указывает на нежелание ведущих представителей постсоветской критики *изучать* литературное произведение, познавать его художественность, идейность, а не *субъективно интерпретировать* язык, стиль и содержание. Павлов-критик призывает отказаться от потребительского отношения к тексту (просто-го, бессмысленного, чтения) и перейти к творческому (исследовательскому) осмыслению его природы — от факта *познания* к факту *понимания*. Доводы О. Павлова о том, что критика, подобно литературе, «отстраняет и приближает свое время, чтобы достичь наивысшей подлинности изображения», порождает полемику в среде современников, несогласными с его эстетическими убеждениями и порой даже обвиняющими его в противоречивости и нелогичности приводимых аргументов. Критическую прозу О. Павлова делает уязвимой и его преданное отношение к традиционному реализму («... *реализм есть наша вера...*»), которое порождает личную предубежденность, например, в противовес постмодернизму. Автор называет постмодернистскую («ироническую») литературу *плодом безверия и безвременья* («Метафизика русской прозы»).

О. Павлов последовательно и убедительно высказывается в защиту традиционных приоритетов национальной словесности — её нравственного, духовно-философского, подлинно эстетического начала. Он выступает против засилия и насаждения низкосортной беллетристики, непосредственно связывая расцвет подобной литературы с кризисом большого эпического стиля и литературных традиций [Павлов, 2005]. В книге критики О. Павлов демонстрирует основные тенденции литературного процесса 1990-х годов, раскрывает собственные взгляды на место и роль писателя, определяет судьбу русского реализма и отечественной литературы в целом. В этот же период автор публикует очерки «Гефсиманское время», продолжающие традиции публицистики А. Солженицына («Русский вопрос к концу XX века», «Россия в обвале»), куда позже будут включены ведущие критические этюды: «Русские письма», «Русская литература и крестьянский вопрос», «Русский человек в XX веке». В сборнике уточняется, что почвой для размышления

послужили письма людей, адресованные Солженицыну в начале 90-х годов и опубликованные с его согласия. Каждое письмо содержало просьбу при- дать написанное гласности [Павлов, 2011].

«Русские письма» О. Павлова явились знаковым произведением в его публицистике, представленным в жанре остросоциального критического этюда, где автор отразил ключевые проблемы русского общества. Очерки, как отмечают критики, «не вписываются в общий духовный настрой современной литературы» [Варава, 2000]. Соприкасаясь с письмами соотечественников, Павлов-критик размышляет о бедах России — пытается понять её, переломную, *изнутри* (заметим здесь «критический» почерк А. Солженицына). Рассуждения о будущем России, озадаченность писателя её нравственными проблемами, неразрешимыми вопросами существования в постперестроечное время коррелируют с публицистикой традиционалистов; идейно сближают повествование О. Павлова с рассуждениями А. Солженицына, В. Шукшина, В. Распутина и В. Астафьева, открыто заявляющими на закате культурной эпохи о трагедии России, зашедшей в тупик и потерявшей направление: «Открытие слов, волевое превращение личного да тайного в общую боль — и есть русское письмо... <...> Дошедшие до нас русские письма все возникают, как человеческие голоса, из пустот не мирных времен, а самых трагических, как глас вопиющего в пустыне. Это всегда письма от жертвы к палачу. Обличение и покаяние ходят рядышком по русской крови, в письмах русских» [Павлов, 2011, с. 7—78].

Статья-исследование «Русская литература и крестьянский вопрос» (2005) написана на грани истории литературы и социологии. Главными её героями являются писатели народной темы — от А. Радищева до Б. Екимова. Крестьянский вопрос — вопрос о земле — выводит автора к проблемам совершенно иного порядка: крестьянство и культура, вера и отречение от неё, утопия крестьянская и утопия коммунистическая [Kovtun et al., 2018, pp. 315—337]. Эти проблемы рассматриваются им в литературно-философском контексте. О. Павлов высказывает ряд образно-теоретических положений, например, о причинах рождения эпической формы в литературоведении. Или о появлении феномена деревенской прозы: «Новых писателей объединила не крестьянская тема, заявленная ещё до них, а энергия нового жизненного опыта. Вот почему рассказы и повести разных авторов <...> прочитываются как целое, становятся собранной в духовное и художественное единство прозой <...> Это не приобщение разных авторов к эпической традиции, а эпическое единство судеб» [Павлов, 2011, с. 123].

Трагическое звучание русской прозы XX века, по мнению Павлова-критика, пронизано «тоской по погибшим», которую разделили со своим народом страдающие и сострадающие писатели, чьи произведения стали

«искупительной жертвой» уцелевших. Прозаик отмечает одну из перво-степенных проблем нынешнего писателя: как утверждает К. Кокшенева, это его «пренебрежение осмыслением», «презрение к уму», что искажает смысл писательского служения и само по себе является вредным. О. Павлов рассуждает о сущности русского реализма как свободном и органическом дыхании русской литературы. Публицист отмечает родовые черты традиционного реалистического понимания мира, невозможного без высокого смысла, идущего от христианской этики.

Необходимо отметить, что зрелый этап творчества маркирован долгим молчанием писателя, канувшего, как объясняли его исчезновение критики, «в пустоту небытия» (М. Ремизова). Завершит условно намеченный этап творчества издание авторской серии «Проза Олега Павлова» (2007—2009), в которой будут опубликованы значительные художественные сочинения мастера.

Поздний этап творчества (2010—2018) отмечен как момент переосмысления и переоценки собственного дара. Центральным литературным событием этого периода становится выход в свет романа «Асистолия» (2010), вызвавшего в читательской среде «эмоциональный шок». Наименование произведения буквально отсылает к значению *остановки сердца* (= *жизни*). Пронизанный откровенным началом и доверительной интонацией роман отсылает одновременно и к «исповедальной прозе», и к экзистенциальной художественной традиции в целом. Историю художника, одержимого идеей смерти, писатель выводит на уровень сверхбытийного осмысления. О. Павлов выводит героя, устраивающего любовные свидания на кладбищах и страдающего от каждого мелкого недоразумения. По сути, выстраивая сюжет в инфернальном пространстве, автор закладывает мрачно-экзистенциальные смыслы, характерные для его ранней картины мира. В фирменном павловском стиле отражены мотивы несостоявшейся любви, а отсюда — беспросветного восприятия жизни, абсурдистского существования «потерянного» человека, его отчужденности и разобщенности с миром как таковым. Современники оценят литературное произведение неоднозначно: одни назовут «Асистолию» *романом-тупиком* (Е. Ратникова) и *психологической автобиографией* (К. Мильчин), другие — *рефлексией на смерть* (Е. Ермолин), *историей болезни* (Н. Анико) или *вовсе потоком сознания* (С. Беляков), талантливо исполненного в классических традициях европейской прозы.

Стоит также отметить, что развитие последнего творческого этапа продолжает издававшаяся почти 16 лет книга «Дневник больничного охранника», представленная как хроника приемного отделения обыкновенной московской больницы, через которое прошли тысячи человеческих судеб».

Последние годы жизни О. Павлов практически не появлялся в русской литературе, за исключением выхода периодической серии литературных произведений («Проза Олега Павлова»), в числе которых до 2014 года выходят в свет ключевые романы раннего периода творчества. Сам писатель в это время изредка выступает в СМИ, при этом беспартийно высказываясь о состоянии современной художественной словесности, ругая представителей либерально-критического лагеря, которым, как считал писатель, неподвластно истинно внутреннее восприятие и познание настоящей литературы.

3.2. Рецепция творчества О. Павлова в современной литературной критике

Анализируя творчество писателя в зеркале современной критики, следует отметить неоднородность полемических оценок. Противоречивые суждения о художественном таланте, самостийности О. Павлова — от резко критических, местами пасквильных, до лояльных и благожелательных отзывов — обусловлены рядом факторов. Во-первых, сменой литературно-критической формации в русской литературе на этапе постперестройки. Во-вторых, социально-политическими процессами, происходившими в стране: отменой единой государственной идеологии, отказом от цензуры, общей либерализацией нравов, отсюда — формированием иной мировоззренческой конъюнктуры ряда изданий, следовательно, политизацией литературной критики как таковой, но в других условиях. В-третьих, экономическим переделом литературного пространства (особенно — в части литературных премий), порожденным складыванием новых рыночных отношений [Иванова, 2003].

Так, например, часть левого лагеря — либерально настроенных критиков — указывали на «вторичность», «несамостоятельность», «чернушность» и непоследовательность художественной прозы О. Павлова. Уже ранние произведения современного реалиста («Караульные элегии», «Карагандинские девятины», «Конец века») подверглись достаточно жесткой критике: его обвиняли в несправедливых оценках российской армии, пошлости в описании состояния постсоветской медицины, неверном восприятии и отражении современных художественных типов в актуальной литературе. Создание тяжелых и мрачных реалистических произведений О. Павловым (как, например, история лагерного охранника, ставшего убийцей поневоле) вызывает возмущение у части литературной публики, учившейся жить с новыми моральными взглядами, внутренне не готовой к жесткой правде, основательному и глубокому натурализму. С одной стороны, это объясняется особенностью либеральной критики 1990-х годов, которая, по словам М. Липовецкого, выражалась в «полном отсутствии системных дискуссий между разными изданиями», что обусловило, своего рода, аморфность и беспринципность некоторых известных журналов —

«писать обо всем, кроме фашизма» (С. Чупринин, «Знамя»). Это породило спорадическую ситуацию в литературной среде: например, когда в авторитетных изданиях публиковались статьи, содержащие диаметрально противоположные оценки обсуждаемых произведений или течений, или, к слову, формировалось равнодушное отношение к своей литературной деятельности и самих критиков, каждый из которых, как правило, публиковался сразу в нескольких изданиях одновременно.

С другой стороны, полемическая разрозненность в оценке художественной поэтики О. Павлова обусловлена «системной» конфронтацией литературных изданий, часть из которых поддерживает художественные произведения, отмеченные «печатью постмодернистской эстетики» («Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Независимая газета»), часть отстаивает принципы традиционного реализма («Новый мир», «Континент»). Следовательно, полемика о постмодернизме и реализме внутри либерального лагеря критиков и приводит к идеологическому расколу [Липовецкий, 2011, с. 635—640]. Свидетельствует об этом и М. Ремизова, утверждающая противоборство двух ведущих литературных лагерей: «новаторов» и «консерваторов». В критике, как и в словесности в целом, высказывалось обоюдное недовольство друг другом — «первые тяготеют к теоретизированию по поводу онтологического конца прежней художественной системы, откуда следует вывод о принципиальной невозможности создания текста на старых принципах, вторые склонны апеллировать к достижению мировой культуры вообще <...> считая прошлые заслуги достаточным аргументом в пользу собственного настоящего» [Ремизова, 2007, с. 11].

Изучая павловские произведения, некоторые критики смело заявляли о том, что «отшелушиться» от «армейского» клеяма, нанесенного ранними текстами на творческую биографию писателя, ему позволило обращение к традиционной проблематике, отсылающей к текстам классической литературы (автобиографические рассказы переходного этапа «Сны о себе», «Яблочки от Толстого», «Школьники»). Но и здесь в поле художественной критики нашлись недоброжелатели, заявляющие, что «мрачная» проза О. Павлова «волочит, тащит за собой инерция великой, но мертвой традиции. Народническая традиция <...>, ныне мертва. Страдания и многотерпеливость русского народа нынче как-то не убеждают» [Елисеев, 1999, с. 191].

Воссоздание в литературном повествовании О. Павлова трагического фона «девяностых», стремление к эмпирическому изображению пережитых событий (лично увиденных и прочувствованных автором), возможность «посветить фонариком в мрачное жизненное захолустье» сподвигало критиков (К. Анкудинова, А. Агеева, Н. Елисеева, Н. Переяслова) обвинять писателя в излишней субъективности, прямолинейности и серьезности, отсут-

ствии иронии, приемов отстранения, игровой стратегии; уверять читателей в неубедительности христианского пафоса его произведений, созданных на фоне развернувшегося общественно-политического и социокультурного хаоса. Впрочем, для «новой» прозы, представляющей собой «тип интеллектуальной игры, никоим образом не затрагивающей глубоких струн личности» [Ремизова, 2007, с. 13], характерно смешение магистральных ценностей; следовательно, тема сострадания и милосердия, приемлемая для павловской картины мира, становится периферийной, неинтересной, малоубедительной не только для читателей, но и для критики. В этом отношении достаточно вспомнить опыт критических публикаций произведений В. Астафьева («Людочка»), Г. Владимова («Генерал и его армия») и др.

Так, например, критик К. Анкудинов в беседе с А. Карасевым [Анкудинов, 2018], характеризуя павловский стиль и метод в последнем романе «Асистолия», отмечает неспособность современного писателя к самокритике и саморефлексии, невозможность отрешиться от поэтики *мерзкого* и *чудовищного* и преодолеть трагические обстоятельства в повествовании техникой отстранения или юмористическими приемами («В ней нелепо, нездорово, катастрофически отсутствует чувство юмора»). Здесь профессиональные суждения критика контрастируют с его личными убеждениями о таланте писателя («Павлов не преосуществлял искусство до конца. Он кормил нас полуфабрикатами»).

Симптоматично, что литературная деятельность О. Павлова (в частности, критическая) подняла «большую волну» в русской литературе девяностых, выявив страхи и опасения «культурного общества, состоящего сплошь из эстетических и этических законодателей»: «страх перед способностью русского человека спастись русской литературой», «страх перед прямым зрением на нашу жизнь, в которой можно видеть “мерзости”, а можно — лихо, нужду и беду» [Кокшенева, 2000, с. 174—185]. К. Кокшенева, описывая состояние литературы и критики 1990-х, манифестирует: «Именно желание “все перепутать” (беду с уродством, подлинное страдание с фальшивым) выдает с головой как профессиональных защитников реализма, так и стойких приверженцев эстетики “нечистот жизни”». Отстаивая правоту павловских произведений, критик утверждает: «Страх перед трагическими и серьезными размышлениями о жизни и о смерти родил катастрофическое количество игровых произведений, авторы которых, обуреваемые зудом мнения, с удовольствием рассуждают при этом о “ничтожестве русской литературы”, о ее поражении, конце <...>» [Кокшенева, 2000, с. 174—185].

Правые критики, или консервативный лагерь, всячески поддерживающие реалистический опыт современной литературы, именуют прозу О. Павлова живой и плодотворной, указывая на то, что ему — одному из

немногих «властителей дум» — удается писать «не характер, но судьбу, органику рода» [Борисова, 1998, с. 160—191]. К. Кокшенева, М. Ремизова, усматривая «тяжеловесный», «мучительный», «вязкий» стиль повествования в текстах О. Павлова, отмечают влияние художественного опыта отечественной литературы XX столетия. Неслучайно представители «консервативной» критики относят творчество писателя к продолжению лучших реалистических традиций, называя его «современным Платоновым» или «новым Солженицыным» (здесь отмечается влияние публицистических традиций писателя). Условно разделяя это мнение, критик А. Агеев акцентирует: «У Павлова эта речь натужно и грубо стилизована, и рождается из нее образ отталкивающе-фальшивый, насквозь литературный — этакий гибрид странствующих идеалистов Платонова и солженицынского хитроумного “простеца” Ивана Денисовича» [Агеев, 1995, с. 176].

Приверженность реалистическому художественному методу и традиции особо подчёркивает факт присуждения О. Павлову в 2012 году литературной премии А. Солженицына, финансируемой Русским общественным фондом писателя. В Уставе, размещенном на официальном сайте организации, отмечается: «Премией награждаются писатели, чье творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы» («Устав Литературной премии Александра Солженицына»).

Некоторые литературные мыслители, искренне сочувствуя павловским героям, отмечали «пронзительные интонации христианской жалости к выброшенному на дно жизни человеку» (о рассказе «Конец века»). П. Басинский, основательно изучая павловскую прозу, размышляет о том, что она «была заточена на страдающего человека» [Басинский, 2018]. М. Ремизова утверждает, что прозу писателя выгодно отличает от большинства современных литераторов «отсутствие позы и унижительного фиглярства», когда Павлов не боится показаться «слишком серьезным — во время общей двусмысленности и шутовского декаданса» [Ремизова, 2007, с. 192]. Ряд критиков и исследователей творчества писателя заявляют о нем как об одном из немногих представителей «нового реализма», кто относился к литературе с предельной серьезностью.

Две основные тенденции в представленных критических суждениях Ю. Щербинина назвала «иронической» и «сентиментальной» [Щербинина, 2012]: одни рецензенты «посмеиваются над пафосом страдания и упрекают писателя в отсутствии чувства юмора», другие «видят в произведениях этого автора лишь беспросветную тоску да свинцовые мерзости жизни». Она полагает, что эти оценки «сходятся в тенденциозности и

ограниченности восприятия литературного текста», так как проза О. Павлова принципиально отличается «художественной универсальностью и глобальностью проблематики» [Щербинина, 2012, с. 205]. В. Бондаренко в связи с присуждением О. Павлову премии А. Солженицына категорично заявит: «Он не некий народолюбец или социальный разоблачитель грязи (хотя его очерки бывают крайне беспощадны), он нутром своим чувствует боль своих героев, мучится и корчится вместе с ними, но всегда видит свет в конце туннеля. По сути он — светлый художник» [Бондаренко, 2012]. Неоднозначность критических замечаний, которые принципиально отличали публикуемые рецензии на произведения О. Павлова, прослеживается по отношению к его избранным произведениям. Так, например, о цикле «Повесть последних дней», претендовавшем на премию «Национальный бестселлер» (2002), вышли разгромные полемические статьи с метафорическими названиями — «Манихейский вариант» К. Анкудинова [Анкудинов, 2002, с. 166—172] и «“Баланда” о солдате» Н. Переясллова [Переяслов, 2002, с. 171]. Известный критик Д. Быков безапелляционно заявит о том, что роман О. Павлова «Карагандинские девятины», вошедший в названный цикл, «довольно плох» [Быков, 2011, с. 197—202]. Иные критики и вовсе иронизируют над повествовательной манерой писателя, отмечая ее «неврозность», «кошмарность» (Н. Анико), «мрачность» и «безысходность» (К. Анкудинов); самого писателя называют «героем несчастливой андерсеновской сказки “Тень”» (Л. Новикова). Писателя упрекали за отсутствие художественной трансформации, «прорыва к новой правде» [Пустовая, 2010, с. 193—196], навязывание сюжетов о наркомании и упадничестве, где есть место унынию, тоске и малодушию.

Оценивая образную систему произведений О. Павлова, некоторые критики сходятся во мнении, что типично-павловский персонаж представляется «героем-нытиком, заслуживающим либо язвительных уколов, либо слезливой жалости» [Щербинина, 2012, с. 205—2013], но в чем ему действительно нельзя отказать, так это в том, что он ведет непрерывную внутреннюю работу по преодолению слабости, искуплению греха, изживанию страха. Справедливо полагать, что представленные художественные образы *терпил* и *потерпевших* в павловской картине мира трансформируются: герой имеет перспективу перерождения через экзистенциальные испытания, через проявление любовью — к ребенку, матери, женщине, к ближнему, где автору видится возможность излечить человеческую душу клевой, оберегом и мольбой.

3.3. Поэтика писателя в зеркале академического литературоведения

В академическом литературоведении художественное наследие О. Павлова изучено достаточно фрагментарно; отсутствуют и исследова-

ния системного характера, позволяющие целостно рассмотреть авторскую картину мира.

Ключевой работой в области изучения павловской прозы стоит назвать диссертацию Е. Е. Ореховой [Орехова, 2003б]. Она исследует образную систему «Степной книги» писателя, выявляет особенности социального самоопределения героев; акцентирует внимание на проблеме хронотопа (природный, социальный), маркирует бытийные координаты существования героев. Исследователю принадлежит ряд литературоведческих работ, посвященных прозе современного реалиста, вопросам художественной проблематики и поэтики, языка и стиля писателя, связи с предшествующей литературной традицией.

Кроме того, следует отметить имена современных славистов, изучающих *мифопоэтический* [Котлов, 2012; Котлов, 2014]; *философский* [Личманова, 2011; Котлов, 2013; Васильева, 2015; Орехова, 2020;], *историко-культурный* [Крылова, 2011; Котлов, 2016], *языковой* [Орехова, 2003а] контекст избранных произведений писателя. *Мифопоэтический* контекст исследования предполагает интерес к изучению фольклорных и христианских мотивов, жанровому своеобразие; *философский* вектор научных изысканий направлен на выявление онтологической и экзистенциальной проблематики, отраженной в ведущих произведениях О. Павлова («Степная книга», «Казенная сказка», «Асистолия»), осмысление метафизики и этической корреляции как концептуально-мировоззренческих категорий авторского письма. Особое внимание здесь уделяется теме жизни и смерти, судьбы, диалектике света и тьмы в их сюжетно-типологическом освещении. В *историко-культурном* аспекте исследования выявляются проблемы реализации архетипа пространства, времени и героя; акцентируется внимание на вопросах художественного метода и литературной традиции. *Лингвистическое* направление исследований павловской прозы отражает особенности её поэтического языка, речевой организации текстов, выразительных средств и топонимики.

Обозначая ряд ведущих научных трудов в области изучения художественного мира автора, следует отметить исследовательский интерес к анализу поэтики, как правило, ранних текстов — «Казенная сказка», «Карагандинские девятины», «Дело Матюшина», «Степная книга». По отношению к этому комплексу текстов в целом выявлены жанровые особенности, рассмотрена сюжетно-мотивная и образная структура повествования, определены ведущие характеристики павловского хронотопа, исследованы языковые и стилистические приемы авторского письма. Проза писателя находилась в фокусе внимания китайских ученых, отмечавших его «редкий талант в современной русской литературе» [Ли Синьмэй, 2020].

Особого внимания, как нам видится, заслуживает аспект изучения зрелого — критико-публицистического — этапа творчества О. Павлова [Крылова, 2014], лишенный актуальной литературоведческой рефлексии, но заявляемый в перспективе достаточно любопытным предметом научного интереса.

4. Заключение = Conclusions

Художественная проза О. Павлова — заметное явление современной русской словесности. Писатель входит в большую литературу с достаточно жесткой социально-критической темой, одновременно пронизанной откровенно-интимной тональностью, исповедальным началом, дидактизмом.

Мы выявили основные этапы творческой биографии писателя, определили идейно-тематическое своеобразие авторской картины мира, рассмотрели художественные особенности её трансформации. Отметим, что предметом изображения в поэтике О. Павлова зачастую становятся темы «маленького человека», повседневного трагизма бытия, экзистенциального тупика, нравственно-этической деградации человека, соотносимые с мотивами уныния, духовной потерянности. «Карнавальность», «травестирование смерти», в которых так часто обвиняли современника, становятся едва ли не стержневой историей его прозы, что свидетельствует об эволюции взглядов писателя. Если на раннем этапе творчества О. Павлов *натурализует* тему смерти и страха перед смертью, заставляет человека бороться с жестокостью, жизненными драмами, противостоять им («Степная книга», «Повести последних дней»), то в поздних произведениях («Асистолия») его герой тоскует по человечности, ищет выход в запретное, в его образе угадывается подлинное стремление познать тайны инобытия, соприкоснуться с Богом. На зрелом этапе творчества О. Павлов продемонстрировал и свое критическое мастерство, размышляя о современном состоянии русской литературы, роли и месте писателя, полемизируя с профессиональной критикой о подходах к оценке литературных произведений. Полемическая деятельность писателя развернулась, с одной стороны, в область непрофессионализма существующей критики, которая фрагментарно интерпретирует текст, не способна исследовать художественное произведение во всей его полноте и целостности — от познания к пониманию; с другой стороны, Павлов-критик, вослед А. Солженицыну, размышляет о нравственном положении России, ее ситуации на распутье.

В исследовании проанализированы ведущие полемические оценки художественного мира О. Павлова. Критика неоднозначно оценила дарование современника: с одной стороны, его проза соотносилось с классической литературной традицией, а с другой — появилось клише «мрачного» пи-

сателя. Дискуссионность оценок обусловлена некоторыми основаниями: во-первых, традиционно идеологическим подходом к осмыслению художественного произведения автора (либеральный / консервативный); во-вторых, сменой литературно-критической формации и идейной борьбой внутри критического лагеря, характеризующейся противостоянием изданий, отстаивающих разные принципы литературного письма (модернисты / реалисты; новаторы / консерваторы); в-третьих, новыми экономическими отношениями, порождающими передел литературного пространства.

В академическом литературоведении, как мы старались показать, изучению художественного мира автора уделяется довольно скромное внимание. Отсутствуют фундаментальные исследования системного характера, посвященные изучению прозы О. Павлова в *историко-литературном контексте* (осмысление основных этапов жизни и творчества писателя, соотнесенность с художественной традицией); в *литературно-критическом дискурсе* (выявление и анализ существующих критических подходов к прозе и публицистике автора); в *теоретико-литературной парадигме* (интерпретация художественного метода, языка и стиля: анализ образной системы, хронотопа и других литературоведческих категорий). При этом отметим, что существующие научные труды представляют собой значимый научный задел, что открывает исследовательскую перспективу в области изучения поэтики О. Павлова как представителя «нового реализма» в современной русской литературе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Анкудинов К. Олег Павлов : живое и мертвое слово [беседа Александра Карасева и Кирилла Анкудинова] [Электронный ресурс] / К. Анкудинов // Профессионалы о таланте. Литературная Россия : [интернет-портал]. — 2018. — № 41. — Режим доступа : <https://litrossia.ru/item/oleg-pavlov-zhivoe-i-mjortvoo-slovo/> (дата обращения 12.03.2024).
2. Басинский П. Трудно быть большим. О прозе Олега Павлова [Электронный ресурс] / П. Басинский // Год литературы. — 2018. — 16 октября. — Режим доступа : <https://godliteratury.ru/articles/2018/10/16/trudno-byt-bolshim-ob-olege-pavlove> (дата обращения 15.01.2024).
3. Бондаренко В. Восхождение Олега Павлова [Электронный ресурс] / В. Бондаренко // Завтра. — 2012. — № 18 (964). — Режим доступа : <https://zavtra.ru/blogs/voshozhdenie-olega-pavlova> (дата обращения 16.01.2024).
4. Варава В. Русские письма — русский апокалипсис [Электронный ресурс] / В. Варава // Русский переплет : [литературный интернет-журнал]. — 2000. — 10 августа. — Режим доступа : <https://pereplet.ru/text/holm.html> (дата обращения 14.03.2024).
5. Николаев А. XX век : веки истории — веки судьбы. На вопросы анкеты отвечают Игорь Клех, Олег Павлов, Юрий Буйда [Электронный ресурс] / А. Николаев // Дружба народов. — 1999. — № 9. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/9/xx-vek-vehi-istorii-vehi-sudby-5.html> (дата обращения 17.02.2024).

6. Павлов О. Антикритика. Литература глазами писателя / О. Павлов. — Пермь : Книжный мир, 2005. — 222 с. — ISBN 5-93824-006-2.
7. Павлов О. Гефсиманское время / О. Павлов. — Москва : Время, 2011. — 288 с. — ISBN 978-5-9691-0651-2.
8. Павлов О. Степная книга : повествование в рассказах / О. Павлов. — Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 1998а. — 157 с. — ISBN 5-8370-0213-8.
9. Павлов О. Тотальная критика [Электронный ресурс] / О. Павлов // Завтра : [газета]. — 1998б. — № 51 (264). — Режим доступа : <https://zavtra.ru/blogs/1998-12-2281> (дата обращения 12.03.2024).

Литература

1. Агеев А. Самородок, или Один день Олега Олеговича / А. Агеев // Знамя. — 1999. — № 5. — С. 173—180.
2. Анкудинов К. Манихейский вариант / К. Анкудинов // Новый мир. — 2002. — № 5. — С. 166—172.
3. Борисова И. Схлест / И. Борисова // Дружба народов. — 1997. — № 2. — С. 160—191.
4. Быков Д. Своя правда / Д. Быков // Континент. — 2011. — № 150. — С. 197—202.
5. Васильева Т. И. Концептуальная оппозиция «жизнь—смерть» в «Степной книге» О. Павлова / Т. И. Васильева // Казанская наука. — 2015. — № 4. — С. 123—126.
6. Елисеев Н. Пятьдесят четыре / Н. Елисеев // Новый мир. — 1999. — № 1. — С. 178—193.
7. Иванова Н. Б. Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век / Н. Б. Иванова. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц, 2003. — 559 с. — ISBN 5-86789-117-8.
8. Ковтун Н. В. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» В. Распутина, «Учение ЁПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) / Н. В. Ковтун // LITERATURA. — 2016. — Т. 58. — № 2. — С. 52—65.
9. Ковтун Н. В. Малая проза М. Тарковского в контексте «нового реализма» / Н. В. Ковтун // Гуманитарный вектор. — 2019. — Т. 14. — № 5. — С. 39—50. — DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50.
10. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX—XXI веков : генезис, мифопоэтика, контексты / Н. В. Ковтун. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. — 600 с. — ISBN 978-5-9765-3330-1.
11. Кокшенина К. Больно жить: о прозе Олега Павлова / К. Кокшенина // Москва. — 2000. — № 5. — С. 174—185.
12. Кокшенина К. Олег Олегович Павлов / К. Кокшенина // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. — Москва : Олма ПРЕСС Инвест. — 2005. — Т. 3. — С. 6—9. — ISBN 5-94848-211-1.
13. Котлов А. К. Диалектика света и тьмы в метафизическом пространстве романа Олега Павлова «Дела Матюшина» / А. К. Котлов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2013. — № 5. — С. 126—129.
14. Котлов А. К. Традиции Андрея Платонова в прозе Олега Павлова : к постановке проблемы / А. К. Котлов // Духовно-нравственные основы русской литературы. — Кострома : Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2016. — С. 217—219.
15. Котлов А. К. Фольклорно-мифологические истоки хронотопа «Казенной сказки» О. Павлова / А. К. Котлов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — № 4. — С. 137—141.

16. Котлов А. К. Христианские мотивы и образы в прозе Олега Павлова / А. К. Котлов // *Духовно-нравственные основы русской литературы*. — Кострома : Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2014. — С. 178—181.

17. Крылова С. В. Архетип героя в повести Олега Павлова «Казенная сказка» / С. В. Крылова // *Studia Rossica Posnaniensia*. — 2011. — Т. 36. — С. 161—171.

18. Крылова С. В. Олег Павлов : критик и антикритик (по книге О. Павлова «Антикритика», 2005) / С. В. Крылова // *Судьбы курсив — курсив литературы. К юбилею профессора Нэллы Михайловны Щединой*. — Москва : Московский государственный областной университет, 2014. — С. 428—436.

19. Ли Синьмэй. Современная русская литература в Китае : обзор исследований / Ли Синьмэй // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. — 2020. — № 4 (69). — С. 103—130. — DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.012.

20. Липовецкий М. Н. Критические дискуссии 1990-х годов / М. Н. Липовецкий // *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи : [сборник статей] / под редакцией Е. Добренко и Г. Тиханова*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 791 с. — ISBN 978-5-86793-918-2.

21. Личманова Т. О. Образ смерти в «Степной книге» Олега Павлова / Т. О. Личманова // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение*. — 2011. — № 3. — С. 22—25.

22. Орехова Е. Е. Речевые средства выражения ценностной ориентации персонажей и автора в «Степной книге» Олега Павлова / Е. Е. Орехова // *Труды молодых ученых Воронежского государственного университета*. — 2003а. — № 2. — С. 168—173.

22. Орехова Е. Е. Судьба и время : архетип русского писателя в интерпретациях жизни и творчества Олега Павлова / Е. Е. Орехова // *Русская литература в иностранной аудитории*. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. — С. 124—130.

23. Орехова Е. Е. Художественный мир «Степной книги» О. Павлова : Герой. Среда. Поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Е. Орехова. — Воронеж, 2003б. — 183 с.

24. Переяслов Н. «Баланда» о солдате / Н. Переяслов // *Октябрь*. — 2002. — № 6. — С. 171.

25. Пустовая В. Сердоболия / В. Пустовая // *Новый мир*. — 2010. — № 7. — С. 193—196.

26. Ротай Е. М. «Новый русский реализм» : основные признаки литературного проекта / Е. М. Ротай // *Культурная жизнь Юга России*. — 2011. — № 3. — С. 73—74.

27. Серова А. А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. А. Серова. — Нижний Новгород, 2015. — 290 с.

28. Щербинина Ю. Сквозное сердце : очерк творчества Олега Павлова / Ю. Щербинина // *Знамя*. — 2012. — № 3. — С. 205—213.

29. Kovtun N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature : from the neo-traditionalism to «new realism» / N. Kovtun, N. Klimovich // *The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies*. — 2018. — № 3/4. — Pp. 315—337.

*Статья поступила в редакцию 04.11.2024,
одобрена после рецензирования 15.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.*

Material resources

- Ankudinov, K. (2018). Oleg Pavlov: the living and the dead word [a conversation between Alexander Karasev and Kirill Ankudinov]. *Professionals about talent. Literary Russia: [Internet portal]*, 41. Available at: <https://litrossia.ru/item/oleg-pavlov-zhivoe-i-mjortvovoe-slovo/> (accessed 12.03.2024). (In Russ.).
- Basinsky, P. (2018). It's hard to be big. About Oleg Pavlov's prose. *The year of literature. October 16*. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2018/10/16/trudno-byt-bolshim-ob-olege-pavlove> (accessed 15.01.2024). (In Russ.).
- Bondarenko, V. (2012). The Ascent of Oleg Pavlov. *Tomorrow*, 18 (964). Available at: <https://zavtra.ru/blogs/voshozhdenie-olega-pavlova> (accessed 16.01.2024). (In Russ.).
- Nikolaev, A. (1999). XX century: milestones of history — milestones of fate. The questionnaire questions are answered by Igor Klekh, Oleg Pavlov, Yuri Buida. *Friendship of Peoples*, 9. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/9/xx-vek-vehi-istorii-vehi-sudby-5.html> (accessed 17.02.2024). (In Russ.).
- Pavlov, O. (2005). *Anti-criticism. Literature through the eyes of a writer*. Perm: Knizhny Mir Publ. 222 p. ISBN 5-93824-006-2. (In Russ.).
- Pavlov, O. (2011). *Gethsemane time*. Moscow: Vremya. 288 p. ISBN 978-5-9691-0651-2. (In Russ.).
- Pavlov, O. (1998a). *Steppe book: narration in stories*. St. Petersburg: Limbus Press. 157 p. ISBN 5-8370-0213-8. (In Russ.).
- Pavlov, O. (1998b). Total criticism. *Tomorrow: [newspaper]*, 51 (264). Available at: <https://zavtra.ru/blogs/1998-12-2281> (accessed 12.03.2024). (In Russ.).
- Varava, V. (2000). Russian letters — the Russian apocalypse. *Russian binding: [literary online magazine]*. August 10. Available at: <https://pereplet.ru/text/holm.html> (accessed 03/14/2024). (In Russ.).

References

- Ageev, A. (1999). Nugget, or One day of Oleg Olegovich. *Banner*, 5: 173—180. (In Russ.).
- Ankudinov, K. (2002). Manichaeism variant. *New World*, 5: 166—172. (In Russ.).
- Borisova, I. (1997). Clash. *Friendship of peoples*, 2: 160—191. (In Russ.).
- Bykov, D. (2011). His own truth. *Continent*, 150: 197—202. (In Russ.).
- Eliseev, N. (1999). Fifty-four. *New world*, 1: 178—193. (In Russ.).
- Ivanova, N. B. (2003). *The hidden plot. Russian literature on the transition through the century*. Saint Petersburg: Russian-Baltic Information Center Blitz. 559 p. ISBN 5-86789-117-8. (In Russ.).
- Koksheneva, K. (2000). It hurts to live: about Oleg Pavlov's prose. *Moscow*, 5: 174—185. (In Russ.).
- Koksheneva, K. (2005). Oleg Olegovich Pavlov. In: *Russian literature of the XX century. Novelists, poets, playwrights. Bio-bibliographic dictionary*, 3. Moscow: Olma PRESS Invest. 6—9. ISBN 5-94848-211-1. (In Russ.).
- Kotlov, A. K. (2012). Folklore and mythological origins of the chronotope of O. Pavlov's "State-owned fairy tale". *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 18 (4): 137—141. (In Russ.).
- Kotlov, A. K. (2013). Dialectics of light and darkness in the metaphysical space of Oleg Pavlov's novel "The Affairs of Matyushin". *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 19 (5): 126—129. (In Russ.).

- Kotlov, A. K. (2014). Christian motifs and images in Oleg Pavlov's prose. In: *Spiritual and moral foundations of Russian literature*. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. 178—181. (In Russ.).
- Kotlov, A. K. (2016). Traditions of Andrey Platonov in Oleg Pavlov's prose: towards a problem statement. In: *Spiritual and moral foundations of Russian literature*. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. 217—219. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2016). Current literature in the mirror of manifestos ("My Manifesto" by V. Rasputin, "The Doctrine of the ENP" by V. Yerofeyev and "Denial of Mourning" by S. Shargunov). *LITERATURE*, 58 (2): 52—65. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2017). *Russian traditionalist prose of the XX—XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts*. Moscow: FLINT: Nauka. 600 p. ISBN 978-5-9765-3330-1. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2019). The small prose of M. Tarkovsky in the context of "new realism". *Humanitarian Vector*, 14 (5): 39—50. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50. (In Russ.).
- Kovtun, N., Klimovich, N. (2018). The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to «new realism». *The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies*, 3/4: 315—337.
- Krylova, S. V. (2011). The archetype of the hero in Oleg Pavlov's novella "The Official Tale". *Studia Rossica Posnaniensia*, 36: 161—171. (In Russ.).
- Krylova, S. V. (2014). Oleg Pavlov: critic and anti-critic (based on O. Pavlov's book "Anticriticism", 2005). In: *The fate of the italics — the italics of literature. On the anniversary of Professor Nellie Mikhailovna Shchedrina*. Moscow: Moscow State Regional University. 428—436. (In Russ.).
- Lichmanova, T. O. (2011). The Image of Death in Oleg Pavlov's Steppe Book. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2. Philology and Art criticism*, 3: 22—25. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. N. (2011). Critical discussions of the 1990s. In: *History of Russian literary criticism: Soviet and post-Soviet eras: [collection of articles]*. Moscow: New Literary Review. 791 p. ISBN 978-5-86793-918-2. (In Russ.).
- Li Xinmei. (2020). Modern Russian Literature in China: a Review of Research. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 4 (69): 103—130. DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.012. (In Russ.).
- Orekhova, E. E. (2003a). Speech means of expressing the value orientation of the characters and the author in Oleg Pavlov's "Steppe Book". *The works of young scientists of Voronezh State University*, 2: 168—173. (In Russ.).
- Orekhova, E. E. (2003b). *The artistic world of O. Pavlov's Steppe Book: A Hero. Wednesday. Poetics*. PhD Diss. Voronezh. 183 p. (In Russ.).
- Orekhova, E. E. (2020). *Fate and Time: the archetype of a Russian writer in the interpretations of Oleg Pavlov's life and work*. Saint Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 124—130. (In Russ.).
- Pereyaslov, N. (2002). "Balanda" about the soldier. *October*, 6: P. 171. (In Russ.).
- Pustovaya, V. (2010). Serdobolia. *Novy Mir*, 7: 193—196. (In Russ.).
- Rotai, E. M. (2011). "New Russian realism": the main features of a literary project. *Cultural life of the South of Russia*, 3: 73—74. (In Russ.).
- Serova, A. A. (2015). *New realism as an artistic trend in Russian literature of the XXI century*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 290 p. (In Russ.).

Shcherbinina, Yu. (2012). The Through-the-heart: an essay on Oleg Pavlov's work. *Banner*, 3: 205—213. (In Russ.).

Vasilyeva, T. I. (2015). Conceptual opposition “life–death” in O. Pavlov's “Steppe Book”. *Kazan science*, 4: 123—126. (In Russ.).

*The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 15.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*